

Новый ориентир в стратегии реагирования на правонарушения несовершеннолетних

Л.М. Карнозова,

кандидат психологических наук,

старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий факультета юридической психологии

Московского городского психолого-педагогического университета,

ведущий научный сотрудник сектора проблем правосудия Института

государства и права РАН, руководитель направления «Программы

восстановительного правосудия по уголовным делам» общественного центра

«Судебно-правовая реформа», karnozova@yandex.ru

Статья посвящена восстановительному подходу в реагировании на правонарушения несовершеннолетних, который в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» определен как приоритетный в этой сфере. Обращено внимание на то, что новый ориентир в работе с несовершеннолетними нельзя рассматривать исключительно с технологической точки зрения: речь идет о новом образе мыслей, новом подходе в деятельности специалистов помогающих профессий. Подход зиждется на концепции и практике восстановительного правосудия. В ядре практики восстановительного правосудия лежит медиативный метод, отличительная черта которого состоит в передаче полномочий в разрешении конфликтов самим участникам. Показана специфика медиации правонарушителя и жертвы, ограничения понятийного аппарата классической медиации и вовлечение в медиативный метод категорий восстановительного правосудия и нарративного подхода. Вводится представление о коммуникативных позициях, представлена оппозиция «экспертно-диагностического» и «понимающего» подходов в социально-гуманитарных практиках.

Ключевые слова: восстановительный подход, медиация, правосудие, дружественное к ребенку, ответственность, коммуникативная позиция.

Приоритет восстановительного подхода при формировании правосудия, дружественного к ребенку

В последние годы в России ведется активная работа по совершенствованию правосудия по делам в отношении несовершеннолетних, однако целостной и непротиворечивой системы пока не создано. Это во многом объясняется целевой и концептуальной неопределенностью и непроработанностью методологических основ такой системы, требующих междисциплинарного подхода, а также несогласованностью в обществе ее ценностных перспектив.

1 июня 2012 г. Президентом России подписана «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [13], которая определяет перспективные направления политики в отношении детей. В тексте «Национальной стратегии...» можно обнаружить следы разных идей и концепций, однако в разделе VI «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия» при определении основных принципов и элементов такой системы недвусмысленно указано на *приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного характера*. Соответственно,

документ предусматривает «расширение практики применения технологий восстановительного подхода в сфере правосудия, а также иных сферах, затрагивающих права и законные интересы ребенка», – использование примирительных программ и механизмов возмещения ущерба и других воспитательных мер в работе как с несовершеннолетними правонарушителями, совершившими уголовные преступления, так и с детьми, совершившими общественно опасные деяния, но не достигшими возраста уголовной ответственности, а также работу с жертвами противоправных деяний несовершеннолетних (в том числе несовершеннолетними). В этой связи в числе мер, направленных на создание дружественного к ребенку правосудия, предусматривается развитие сети служб примирения и организация школьных служб примирения.

В указанных положениях концепции нашли свое отражение международные рекомендации, касающиеся уголовной политики в отношении несовершеннолетних, основное внимание в которых уделяется *расширению диапазона адекватных альтернатив* официальному судебному преследованию. Альтернативы включают в себя замену уголовной ответственности иными мерами исправительного воздействия и медиацию несовершеннолетнего правонарушителя и жертвы.

Формулирование соответствующих положений в «Национальной стратегии...» привело и к разработке планов ее реализации, в административном порядке уже начали создаваться службы примирения. В этой ситуации важно не утратить те фундаментальные основания, на которых выстраивается восстановительный подход, не дать раствориться новым ориентирам в привычных схемах деятельности.

Возвращение ответственности

Восстановительный подход (восстановительное правосудие) как парадигма реагирования на преступления в качестве образца для построения собственной практики опирается (наряду с общинными формами разрешения конфликтов) на медиацию, которая в 1970-е гг. уже широко использовалась в качестве альтернативного способа разрешения правовых споров. Упоминания о посредничестве как способе разрешения конфликтов с помощью нейтрального третьего лица (органа) встречаются с древнейших времен. Однако мы говорим о *медиативном методе* [7] с присущими ему характеристиками постольку, поскольку он представлен как таковой в сегодняшнем гуманитарном знании, имеет (при известном многообразии) четко обозначенные принципы и структуру процесса и является предметом специальной профессиональной подготовки.

Если отвлечься от разного рода дефиниций, процедур, видов медиации и пр., то существо метода, его отличие от других методов реагирования на криминальные и конфликтные ситуации – карательно-юридического, административного, психотерапевтического – задается принципиальной сменой действующих лиц, которые оказываются субъектами разрешения спора (конфликта), ими становятся *сами участники ситуации*. Однако прямые переговоры сторон конфликтной ситуации – дело довольно сложное, поскольку сторонам трудно освободиться от негативных эмоций и расстаться с желанием одолеть противника и выиграть. Но наш жизненный опыт свидетельствует, что люди в принципе компетентны в том, чтобы договариваться, – это повседневная практика. Человеческие взаимодействия полны непонимания, проблем и конфликтов, но лишь незначительная их часть попадает в суд или в какие-то административные инстанции. Следовательно, соответствующие способности в принципе присущи людям, просто иногда требуется помощь в том, чтобы их актуализировать. Противоречие между потенциальной разрешимостью конфликта собственными силами сторон и невозможностью (в определенных случаях) это осуществить снимается введением позиции *медиатора* – нейтральной третьей стороны, которая помогает людям наладить диалог и достичь соглашения. Тем самым складывается новое пространство, где создаются условия для диалога. Таким образом, основная задача медиатора – превратить столкновение в процесс переговоров, обсуждения [11]. Вокруг позиции медиатора и формируется в социуме медиативная практика разрешения конфликтов.

Сегодняшняя практика медиации довольно многообразна: одни модели представляют собой вариации классической [2], в основе которой лежит метод переговоров, предложенный профессорами Гарвардской школы права Р. Фишером и У. Юри (его называют «гарвардской моделью переговоров») [20], другие предлагают процедуры, техники и категориальный аппарат, опираясь на теоретические представления о том, *что такое человек, почему происходят конфликты* и что значит «*конфликт разрешен*», отличные от гипотез, лежащих в основе классической медиации [см. напр.: 3; 19]. Практика медиации по уголовным делам тоже предлагает разные модели. Но ее единство задается не столько теориями человека и конкретным инструментарием программ, сколько представлением о том, *каким должно быть правосудие*, каким должен быть ответ на преступление [5; 9].

Медиация чувствительна к восприятию понятийного аппарата гуманитарных областей знания, в первую очередь психологических и психотерапевтических, теории коммуникации и практических приемов, используемых в помогающих профессиях в работе с людьми. Классическая медиация строится на категории «потребность», которая дала мощный импульс в формировании программ примирения жертвы и правонарушителя, или программ восстановительного правосудия [см. подробнее: 6; 8; 11; 18]. В современных социальных дискурсах жертва всегда упоминается, когда речь идет о наказании подсудимого, однако ее реальные потребности и чувства игнорируются правосудием. Восстановительное правосудие исходит из приоритета цели *исцеления жертв*: медиация жертвы и правонарушителя должна ориентироваться на то, чтобы возникшие в результате преступления потребности пострадавшего были удовлетворены.

Основные *потребности пострадавшего* можно обобщить следующим образом:

- признание, что по отношению к нему произошла несправедливость;
- возможность рассказать о своих чувствах;
- информированность о процессе судопроизводства;
- ответы на вопросы, которые может дать только обидчик («почему я?» и пр.);
- преодоление страха перед обидчиком;
- компенсация ущерба;
- восстановление доверия к миру;
- возвращение уверенности в себе, ощущение контроля по отношению к собственной жизни [5].

Современные гуманитарные теории вводят в проблематику медиации и другие понятия. Так, в постмодернистских теориях идее выявления «подлинных», априорно присущих человеку, потребностей противостоит концепция медиации как процесса смыслообразования: «Вместо того чтобы искать решение за счет выражения “истинных” чувств, обращения к “подлинным интересам” или удовлетворения “неудовлетворенных потребностей”, постмодернистский проект ориентирован на раскрытие доселе неизвестных сфер смысла» [19, с. 185]. В эмпирических исследованиях программ восстановительного правосудия выявлен ряд любопытных феноменов. Во многих источниках упоминается о том, что для жертв нередко извинение и символическое возмещение имеют большее значение, чем материальная компенсация [16]. Встречаются ситуации, когда после знакомства с обидчиком жертве оказывается важнее не возмещение вреда и даже не принесение извинений, а (в случае, если правонарушителем оказывается несовершеннолетний) воспитательный компонент программы. Так, например, в одной из программ для потерпевшей по делу о разбое (тяжкое преступление) главным позитивным итогом примирительной встречи стал пункт об обязательстве обвиняемой (17 лет) поработать в качестве волонтера в программе «Милосердие».

Для правонарушителей встреча с жертвой может оказаться весьма болезненной. При наличии профессионалов – адвокатов и других специалистов, объясняющих совершенное преступление разными обстоятельствами, «трудным детством» и т. п., человеку, совершившему преступление, легче с их помощью отгородиться от жертвы. «Но, я думаю, что делать это мы должны независимо от его желания. Мы здесь обсуждаем не контроль за здоровьем. Мы обсуждаем контроль за преступностью... Так что вопрос в том, хотим ли мы позволить им отказаться от этого и хотим ли мы дать им так легко отделаться?» [9, с. 50]. Как видим, не «потребности» правонарушителя, а вопрос о способе реагирования на преступление, о том, что считать адекватным и справедливым, является исходным для формирования нового взгляда на правосудие, хотя участие в программах восстановительного правосудия остается добровольным, как и во всякой медиации.

Анализ программ восстановительного правосудия показывает, какая сложная и кропотливая работа требуется от медиатора, чтобы привести правонарушителя к искреннему раскаянию. Принятие вины – невыносимый груз, и преступник по-своему нуждается в исцелении. И естественный психологический выход из ситуации, чтобы как-то справиться с ней, – самооправдание. Самооправдание, а также необходимость защищаться в уголовном процессе блокируют чувство стыда, которое, как показано в ряде криминологических исследований, обладает большим сдерживающим потенциалом по отношению к совершению преступлений; блокирует способности к пониманию Другого и сочувствию. Вообще для судебной процедуры область эмоций и переживаний, личностного смыслообразования и рефлексии является не только излишней, но и препятствующей нормальному течению судебного процесса, тогда как для программ восстановительного правосудия достижение соглашения, удовлетворяющего всех участников, следует, как правило, за примирением на эмоциональном уровне [17, с. 72].

Это означает, в частности, что ощущение вины может быть и конструктивным. Анализируя психологическую природу вины, известный американский экзистенциальный психолог и психотерапевт Р. Мэй показывает, что «чувство вины есть субъективное переживание неосуществленной ответственности, т. е. невоплощения в жизнь присущих нам возможностей, в том числе возможностей в отношениях с другими людьми и группами...» [12]. Р. Мэй обсуждал эту проблематику в контексте психотерапии и психологического консультирования. Здесь он видел задачу работы с человеком в том, чтобы «стремиться помочь ему вывести на свет и встретиться со своей виной и ее следствиями и значением для него» [12]. «Конечно, – продолжает Р. Мэй, – нашей задачей является снятие невротического чувства вины, но невротическая вина, так же, как и невротическая тревога, есть конечный результат того, что ранее человек не встал лицом к лицу со своей нормальной виной. ... Конструктивная встреча с нормальной виной высвобождает в консультируемом и пациенте как его способности к свободе, так и его способности к принятию ответственности» [12]. Идеи Р. Мэя о свободе и ответственности освещают нам путь работы с ответственностью как «конструктивной встречей с нормальной виной» и в программах восстановительного правосудия.

В ходе медиации складывается пространство человеческих отношений. Если стороны были знакомы прежде, то программа работает на восстановление или налаживание отношений. Если же обидчик и пострадавший не были знакомы, то в программах появляется такой эффект, как «де-демонизация», когда априорные представления о *преступнике как злодее* или *жертве как жаждущей мести* при личной встрече сторон сменяются на восприятие *человека как такового*.

Если обратиться к вопросу о ключевой идее медиации, к ее «секрету», то, с учетом разных моделей и представлений, при всем их различии можно выделить то общее, на чем строится *медиативный метод*, – различение «внешнего» (декларируемого сторонами, очевидного) и «скрытого». Этот «секрет» метода и стал основой «классической медиации»: переход к потребностям и интересам позволяет уйти от конфронтации позиций и начать обсуждать то, что для людей действительно важно.

Но «скрытое» не сводится, однако, к присущим индивиду потребностям. «Скрытое» – это то, что важно или в ходе разговора *раскрывается как важное* для участников: потребности, ценности, чувства, смыслы, цели. В медиации создаются условия для процесса смыслопорождения и, возможно, пересмотра прежних представлений и потребностей, для создания нового видения и появления смыслов, которых *не было до и вне* взаимодействия. В медиации нет ничего само собой разумеющегося, поощряются «наивные» вопросы, всякое понятие требует прояснения, уточнения – и тогда за застывшими словесными формулами обнаруживается неочевидное содержание. «Наивные» вопросы позволяют вывести на свет допущения, лежащие в основе определенной точки зрения, и осознать их ограниченность, отразить ценности и предпочтения, найти ресурсы для разрешения сложной ситуации.

Например, молодые люди, рассказывая медиатору о предыстории преступления, формулировали свое первоначальное действие следующим образом: «шли поговорить, выяснить отношения»; при разборе ситуации выяснилось, что единственный метод «выяснения отношений», который они знали, – это драка. В процессе медиации люди начинают рефлексировать и переосмысливать свои привычные способы поведения, размышлять, как изменить ситуацию.

Другой пример: потерпевший выражает возмущение, обиду или недоумение в связи с тем, что несовершеннолетний обидчик или его родители не позвонили и не попросили прощения, мама обидчика признается, что испытывала такие боль и стыд по поводу случившегося, что не смогла этого сделать, девочка же, совершившая преступление, испугалась, что теперь мама от нее откажется. На встрече сторон стена враждебности начинает разрушаться, участники освобождаются от стереотипов и негативных эмоций.

Можно привести немало примеров того, как в процессе медиации люди с удивлением начинают видеть и слышать друг друга.

Таким образом, важнейшая роль в медиации отводится специальной организации коммуникации.

Коммуникативная позиция и характер деятельности

Итак, медиация – это особым образом организованная коммуникация. Коммуникативная компетентность является ключевой для медиатора. Коммуникативную компетентность можно определить как способность к осознанному построению процесса коммуникации. Основная проблема, обусловившая в нынешнем социуме нужду в коммуникативной компетентности, состоит в сложности *достижения взаимопонимания* между людьми. Если говорить коротко, такая компетентность направлена на организацию и осуществление коммуникации, где достигается взаимопонимание. В коммуникативной компетентности медиатора следует выделить три плана: базовые коммуникативные навыки, или коммуникативную грамотность; специфику задач медиации и соответствующие приемы; особенность коммуникативной позиции медиатора.

Приемы и техники осваиваются в упражнениях, для формирования навыков нужны специальные занятия (тренинги). Описание коммуникативных приемов и техник содержится во множестве пособий по медиации и специальных руководствах по коммуникативной компетентности [1, с. 91–137; 2; 8, с. 174–202; 10; 15], и в рамках настоящей статьи мы не будем на них останавливаться. Однако одни и те же техники могут использоваться в разных контекстах.

Медиатор – это специалист, к которому люди обращаются в поисках помощи. Характерные черты привычной модели взаимодействия «специалист – клиент» определены культурно установленным различием в позициях участников: с одной стороны, авторитетная позиция «знающего» – специалиста, с другой – позиция «познаваемого» (клиента). Здесь мы имеем дело с «вертикальным» типом коммуникации («сверху вниз»). Такую коммуникацию можно отнести к подходу, который назовем *экспертно-диагностическим*. Этот подход (при разнообразии конкретных моделей коммуникации)

характерен для большинства социальных практик – педагогики, суда, психотерапии, консультирования и пр. Мы даже определяем некоторые из них как «гуманистические», не отдавая себе отчета в том, что клиент в подобных практиках лишается авторской позиции по отношению к собственной жизни.

Однако постепенно складывается и другой подход в помогающих профессиях (психотерапия, социальная работа, медиация) – «горизонтальный», где специалист меняет позицию – он перестает быть «экспертом» в жизни клиента, возвращая ему ответственность. Специалист оказывает помощь, но при изменении его задачи принципиально меняется и коммуникативная позиция. Назовем эту другую позицию *понимающей*, определив тем самым существо второго подхода¹. В этом обозначении выражены наши интуитивные представления о коммуникации, ориентированной на субъектность клиента, и одновременно термин имеет основания в гуманитарной традиции, где «понимание» как метод противостоит «научному исследованию» и «объяснению». Именно понимающий подход задает специфику коммуникации в медиации.

Важнейшим коммуникативным инструментом медиатора является вопрос. Различие подходов в помогающих профессиях и, соответственно, коммуникативных позиций выражается в двух способах постановки вопросов.

Для прояснения смысла *понимающего (неэкспертного)* способа расспрашивания обратимся к психологической природе процессов, происходящих на полюсе клиента.

В привычной для нас парадигме, где позиция «знающего» закреплена за специалистом, «задавание вопросов» подразумевает, как правило, задачу *сбора информации*. Здесь расспрашиваемый – респондент, источник информации, поставщик «фактов», а работа «интерпретации», «диагностики», «квалификации» и прочих способов оформления полученных сведений – прерогатива специалиста. На основе информации специалист принимает решение. В ряде профессиональных ситуаций такой способ коммуникации необходим. К примеру, врач должен поставить диагноз, определить болезнь, чтобы правильно подобрать лечение. Здесь необходимы его специальные знания. Нередко аналогичный подход переносится на другие практики. Но оправдано ли это, когда специалист имеет дело с процессами иного рода, – скажем, в воспитательной, психотерапевтической или социально-реабилитационной работе? Могут ли серьезные изменения в жизни человека произойти без его собственного участия? Из жизненного опыта мы прекрасно знаем, что с человеком никто ничего сделать не может, пока тот «сам не возьмется за ум», «не возьмет себя в руки».

Другой подход ориентирован именно на актуализацию внутренних изменений индивида. Изменения случаются, если человек сам принимает решения. Но если он до сих пор этого не сделал, значит, что-то ему мешало увидеть новые возможности, цели, пути выхода из ситуации. И в этом случае расспрашивание нужно *не для того, чтобы специалист получил информацию о клиенте*. Просто новые смыслы рождаются у человека в разговоре, когда, возможно впервые, приходится формулировать то, что казалось ясным, обращать внимание на то, что прежде не замечалось. *Вопрос оказывается ключом*, который открывает дверь в новое пространство. Понимающий подход направлен на *актуализацию компетентности клиента*, а не на демонстрацию компетентности специалиста. В основе

¹ Такое обозначение второго подхода восходит к идеям немецкого философа и психолога В. Дильтея (конец XIX в.), видевшего в «понимании», интуитивном постижении некоторой духовной целостности, специфический метод «наук о духе» в противоположность внешнему, рассудочному «объяснению» как методу «наук о природе» [4]. Позже в работах Э. Шпрангера в научный оборот был введен термин «понимающая психология». Используя словосочетание «понимающий подход», мы не воспроизводим метод В. Дильтея, но обращаемся к *идее понимания* как особого способа изучения душевной жизни человека, противостоящей естественно-научному объяснению объектов природы.

медиации лежит идея передачи полномочий в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций самим сторонам, идея компетентности, конструктивного потенциала самих людей.

Представленное ниже сопоставление двух способов расспрашивания, характеризующих обозначенные подходы, основано на сопоставительной таблице Дж. Уинслейда и Дж. Монка, авторов книги по нарративной медиации [19, с. 190], но в нее внесены ряд уточнений и добавлений.

Т а б л и ц а

Два способа расспрашивания

Экспертно-диагностический подход	Понимающий подход
В основе – позиция компетентности специалиста	В основе – уважение способностей и компетентности клиента
Клиенту предлагается позиция познаваемого	Клиенту предлагается позиция знающего
Опыт клиента соотносится с научными (или общеизвестными) знаниями	Уважение правды клиента
Преимущество отдается установлению истины	Преимущество отдается проговариванию ценностей и смыслов
Ценится достоверность фактов	Ценится атмосфера любопытства, способность удивляться
Диагностика, квалификация, подведение под типическое	Наивность вопросов, выявление уникального, поиск ресурсов
«Ускорение» процесса за счет наличия готовых определений для квалификации ответов – подведение под категории профессионального языка	«Замедление» процесса – понимание
Вопросы о том, что специалист знает и хочет подтвердить (проверка гипотез)	Вопросы о том, чего специалист не знает

Медиатор не только выслушивает, он организует диалог. Он ориентирует участников на рефлексию их опыта, актуализацию ценностей. Процедура тем самым носит рефлексивный характер – уводя участников от внешнего и очевидного, она обращает их к более глубоким основаниям и слоям. Сначала медиатор встречается с каждой из сторон по отдельности, а затем организует встречу сторон. И на этой встрече мы имеем дело уже не с индивидуальной рефлексией. В медиации формируется особая конструкция рефлексивной процедуры: «...используя термин “рефлексивность”, мы имеем в виду, прежде всего, диалогический, или коммуникативный, процесс, где люди соотносят свои поступки с поступками других. Обсуждаемая нами форма ответственности перед другими людьми подразумевает, что люди осознают влияние собственных поступков на окружающих» [19, с. 179]. Диалог организуется медиатором как рефлексивная коммуникация.

Тем самым коммуникация оказывается местом для изменений – ситуацией рождения новых смыслов «здесь и теперь». Понимающий подход ориентирован на то, чтобы субъектность людей обрела почву и опору. В терминологии нарративного подхода задача специалиста состоит в том, чтобы помочь состояться «авторской позиции» клиента по отношению к собственной жизни, состояться ответственности.

Таким образом, стилистика коммуникации указывает не на внешние характеристики процедуры и поведения медиатора; она выражает более глубокие основания в практиках работы с человеком, характер деятельности. Медиация относится к категории социально-гуманитарных практик нового типа, противостоящих, по словам К. Пеликан, «экспертнократической» модели [14, с. 47], она направлена на раскрытие автономии сторон и складывание опыта конструктивного взаимодействия людей; отсюда проистекают и остальные характеристики метода.

В работе с несовершеннолетними правонарушителями важно выстраивать комплексную работу разных специалистов, но при этом удерживать единство подхода. Так что постановка задачи на институционализацию восстановительных практик ориентирует специалистов помогающих профессий не только на освоение новых процедур и технологий, но и на формирование доверия к способности людей решать свои проблемы, на освоение понимающей позиции в деятельности, ориентированной на актуализацию ресурсов клиентов.

Литература

1. Балаева А.В. Женодарова Е.Д., Карнозова Л.М. Основы гуманитарной компетентности судьи, рассматривающего уголовные дела в отношении несовершеннолетних: Метод. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: Акварель, 2011. 174 с.
2. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Пер. с нем. Н.В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.
3. Буш Р.А.Б., Фолджер Дж.П. Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. Киев: Издатель Захаренко В.А., 2007. 264 с.
4. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.
5. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
6. Карнозова Л.М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда: Метод. пособие. М.: Информполиграф, 2009. 108 с.
7. Карнозова Л.М. Медиативный метод: классическая и восстановительная медиация // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 10. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 6–18.
8. Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
9. Кристи Н. Конфликты как собственность // Восстановительная ювенальная юстиция / Сост. А.Ю. Коновалов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2007. С. 40–58.
10. Леонова Ю.А., Адмиральская И.С. Коммуникативные инструменты в работе ведущего программы примирения (медиатора) // Психологическая служба. 2012. № 2 (31). С. 19–23.
11. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
12. Мэй Р. Новый взгляд на свободу и ответственность [Электронный ресурс] // Экзистенциальная традиция. 2005. № 2. URL: http://psylib.org.ua/books/_meyro05.htm (дата обращения: 13.01. 2013).

13. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566> (дата обращения: 25.05.2013).

14. *Пеликан К.* Политико-демократический потенциал медиации или бремя повторного освоения конфликта // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. М: VERTE, 2004. С. 46–60.

15. *Пель М.* Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. 400 с.

16. Реконструкция связей в сообществе – медиация и восстановительное правосудие в Европе: Пер. с англ. Киев: Издатель Захаренко В.А., 2008. 184 с.

17. *Рецинджер С.М., Шефф Т.Дж.* Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные связи // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 71–87.

18. Стандарты восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 7. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2010. С. 139–145.

19. *Уинслэйд Дж., Монк Дж.* Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов / Пер с англ. Д.А. Кутузовой; под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2009. 356 с.

20. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения. М.: Наука, 1990. 158 с.

A new landmark in the strategy for responding to juvenile delinquency

L.M. Karnozova,

PhD in Psychology, Senior Research Associate, Research Laboratory of Juvenile Technologies, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Leading Research Associate, Branch of Legal Issues, Institute of State and Law, RAS, Head of the "Programs of Restorative Justice in Criminal Cases", Social Center "Judicial and legal reform", karnozova@yandex.ru

The article is devoted to the restorative approach in responding to juvenile delinquency, which is defined as a priority in this area in the "National Strategy for Action for the Benefit of Children for 2012-2017". Attention is drawn to the fact that a new benchmark in the work with children cannot be viewed solely from a technological point of view; this is a new way of thinking, a new approach to the work of specialists of helping professions. The core of the practice of restorative justice is a mediation method, the hallmark of which is the transfer of authority in the resolution of conflicts to the parties themselves. We show the specificity of the offender and victim mediation, the restrictions of the conceptual apparatus of classical mediation and involvement the categories of restorative justice and narrative approach in the mediation method. We introduce a notion of communicative positions, the opposition of "expert diagnosis" and "understanding" approaches in the social and humanitarian practices.

Keywords: recovery approach, mediation, child-friendly justice, responsibility, communicative position.

References

1. *Balaeva A.V. Zhenodarova E.D., Karnozova L.M. Osnovy gumanitarnoi kompetentnosti sud'i, rassmatrivayushogo ugovnyye dela v otnoshenii nesovershennoletnih: Metod. posobie/ Pod red. L.M. Karnozovoi. M.: Akvarel', 2011. 174 s.*
2. *Besemer H. Mediatsiya. Posrednichestvo v konfliktah/ Per. s nem. N.V. Malovoi. Kaluga: Duhovnoe poznanie, 2004. 176 s.*
3. *Bush R.A.B., Foldzher Dzh.P. Chto mozhet mediatsiya. Transformativnyi podhod k konfliktu. Kiev: Izdatel' Zaharenko V.A., 2007. 264 s.*
4. *Dil'tei V. Opisatel'naya psihologiya. SPb.: Aleteiya, 1996. 160 s.*
5. *Zer H. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie: Per s angl. / Pod obsh. red. L.M. Karnozovoi. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002. 328 s.*
6. *Karnozova L.M. Vklyuchenie programm vosstanovitel'noi yuvenal'noi yusticii v rabotu suda: Metod. posobie. M.: Informopoligraf, 2009. 108 s.*
7. *Karnozova L.M. Mediativnyi metod: klassicheskaya i vosstanovitel'naya mediatsiya // Vestnik vosstanovitel'noi yusticii. Vyp. 10. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2013. S. 6-18.*
8. *Konovalov A.Yu. Shkol'nye sluzhby primireniya i vosstanovitel'naya kul'tura vzaimootnoshenii: prakticheskoe rukovodstvo / Pod obsh. red. L.M. Karnozovoi. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2012. 256 s.*

9. *Kristi N.* Konflikty kak sobstvennost' // Vosstanovitel'naya yuvenal'naya yusticiya / Sost. A.Yu. Konovalov. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2007. S. 40-58.
10. *Leonova Yu.A., Admiral'skaya I.S.* Kommunikativnye instrumenty v rabote vedushego programmy primireniya (mediatora) // Psihologicheskaya sluzhba. 2012. № 2 (31). S. 19-23.
11. *Maksudov R.R.* Programmy vosstanovitel'nogo razresheniya konfliktov i kriminal'nyh situacii: ot unikal'nyh epizodov k zazhivleniyu social'noi tkani. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2012. 256 s.
12. *Mei R.* Novyi vzglyad na svobodu i otvetstvennost' [Elektronnyi resurs] // Ekzistencial'naya tradiciya. 2005. № 2. URL: http://psylib.org.ua/books/_meyro05.htm (data obrasheniya: 13.01. 2013).
13. Nacional'naya strategiya deistvii v interesah detei na 2012-2017 gody (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70183566> (data obrasheniya: 25.05.2013).
14. *Pelikan K.* Politiko-demokraticeskii potencial mediacii ili bremya povtornogo osvoeniya konflikta // Mediaciya iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teoriei, metodom i professional'nymi tehnologiyami / Sost. G. Meta, G. Pohmelkina; per. s nem. G. Pohmelkinoi. M: VERTE, 2004. S. 46-60.
15. *Pel' M.* Priglasenie k mediacii. Prakticheskoe rukovodstvo o tom, kak effektivno predlozhit' razreshenie konflikta posredstvom mediacii. M.: Mezhtsementnyy centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya, 2009. 400 s.
16. Rekonstrukciya svyazei v soobshestve mediaciya i vosstanovitel'noe pravosudie v Evrope: Per. s angl. Kiev: Izdatel' Zaharenko V.A., 2008. 184 s.
17. *Recindzher S.M., Sheff T.Dzh.* Strategiya dlya obshinnykh konferencii: emocii i social'nye svyazi // Vestnik vosstanovitel'noi yusticii. Vyp. 3. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002. S. 71-87.
18. Standarty vosstanovitel'noi mediacii // Vestnik vosstanovitel'noi yusticii. Vyp. 7. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2010. S. 139-145.
19. *Uinsleid Dzh., Monk Dzh.* Narrativnaya mediaciya. Novyi podhod k razresheniyu konfliktov / Per s angl. D.A. Kutuzovoi; pod obsh. red. L.M. Karnozovoi. M.: Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2009. 356 s.
20. *Fisher R., Yuri U.* Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya. M.: Nauka, 1990. 158 s.